
Дара Вейн
Он исчезал до рассвета
18+

Дара Вейн

Он исчезал до рассвета

«Автор»
2026

Вейн Д.

Он исчезал до рассвета / Д. Вейн — «Автор», 2026

Он был на двадцать лет старше. Красивый, высокий, с голосом, от которого замирал воздух. Он умел смотреть так, что Вика забывала дышать, - но не умел оставаться. Каждую ночь он был с ней: звёзды, разговоры до рассвета, его руки. А в четыре сорок он исчезал. Без скрипа. Без слова. Как человек, который всю жизнь тренировался уходить тихо.Он хотел её - телом. Но не душой. Он играл в игры, о которых она не знала: то приближал на шаг, то отдалял на месяц. Говорил «мне не хватает тебя» ровно в тот момент, когда она собирала чемодан. Говорил «ты всегда всё ломаешь» за одну чашку кофе. И Вика постепенно переставала понимать, где реальность, а где его правила.В его кабинете она найдёт папку с надписью «Архив». Сорок женских имён. И одно пустое место - для неё.Это история о женщине, которая любила мужчину, не способного на любовь. О том, как красиво выглядит ловушка изнутри. И о том, как из неё выходят.Роман о любви, которая была настоящей только для одного из д

© Вейн Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОЛЕ И ЗВЁЗДЫ 7
ГЛАВА 2 8
ГЛАВА 3 9
ГЛАВА 4 11
ГЛАВА 5 13
ГЛАВА 6 14
ГЛАВА 7 15
ГЛАВА 8 16
ГЛАВА 9 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Дара Вейн
Он исчезал до рассвета

ДАРА ВЕЙН

ОН ИСЧЕЗАЛ ДО РАССВЕТА

роман

ПРОЛОГ

Он уходил всегда одинаково.

Никакого скрипа. Никакого шороха. Никакого звука двери. Андрей Петрович Волков умел уходить так, как уходят только очень одинокие люди или очень тренированные. В четыре сорок Вика открывала глаза - и рядом была вмятина на подушке. Всё. Ни записки, ни складки на одеяле, ни запаха духов на воротнике. Он растворялся. Как будто ночи с ней не существовало, как будто поле под Волоколамском, звёзды, её ладонь на его груди - всё это снилось ей одной.

Сначала она думала: он просто рано уходит на работу. Потом: он боится, что увидят. Потом - уже через год, когда она научилась считать не часы, а оттенки его молчания - она поняла: он не боится. Он просто не умеет оставаться. Как человек, который умеет только одну фигуру на шахматной доске. Конь. Прыжок - и снова прыжок. Никогда не прямая линия, никогда не шаг по клеткам, потому что по клеткам - это долго, это видно, это оставляет следы.

Вмятина на подушке - единственный след, который он оставлял.

А она каждый раз лежала и смотрела на эту вмятину. И в голове у неё, у умной, у с университетом, у той, что в детстве читала Достоевского под одеялом с фонариком, крутилась одна и та же мысль, ужасная своей простотой:

- Он ведь придёт ещё раз. Значит, ещё не всё потеряно.

Вот в этом месте и надо было останавливаться. Но тогда, в двадцать четыре года, Вика ещё не знала, что любовь, в которой человек исчезает до рассвета, - это не любовь. Это доение. И корова, и доярка - одна и та же женщина.

Простите. Я обещала себе не начинать так резко. Я обещала, что расскажу по порядку, с той парадной на Фрунзенской, где всё началось, когда ей было четырнадцать. Потому что без начала непонятен финал. А финал у этой истории есть. Не тот, которого ждали. И не тот, которого заслужил он.

Тот, который она выбрала сама. Впервые.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОЛЕ И ЗВЁЗДЫ
ГЛАВА 1

Парадная на Фрунзенской пахла кошками и борщом. Это было вечно - сколько Вика себя помнила, столько эта парадная пахла именно так. Кошка Рыжая сидела на подоконнике первого этажа и смотрела на всех с презрением, на которое была имеет полное право: она жила в этом доме дольше всех жильцов.

Вике было четырнадцать. Она стояла у почтовых ящиков с пачкой маминой "Каравеллы" в руках - в то время маме нужны были сигареты, а Вике нужны были причины выходить из квартиры, где слишком громко работали взрослые.

И тогда открылась дверь.

Сначала она увидела не его, а свет из подъезда. Серые сумерки в коридоре вспыхнули на секунду, и в этой вспышке - мужчина. Высокий. В длинном чёрном пальто, которое сидело на нём так, будто его сшили в Италии у портного, у которого больше нет клиентов. За спиной - водитель, который нёс его сумку.

Вика замерла у ящиков. Он прошёл мимо. За полторы секунды - она потом считала, полторы секунды, не больше, - он успел бросить на неё взгляд. Взгляд - это громко сказано. Он посмотрел на неё так, как смотрят на табличку на двери: "Посторонним вход воспрещён". Не злобно. Не презрительно. Просто: не объект. Пусто. Ноль.

Дверь закрылась. Свет ушёл. Рыжая кошка зевнула.

Вика стояла с пачкой сигарет и не могла пошевелиться.

Ты знаешь его? - спросила соседка тётя Лена, которая выходила с ведром. - Это Волков Андрей. Из сорок седьмой. Ходит к матери, старуха лежачая. Красивый, а? Все девчонки его смотрят.

Вика кивнула и пошла вверх. Ей было четырнадцать. И с этого дня - ровно с этой секунды, не раньше и не позже - она начала любить человека, который не посмотрел на неё второй раз ещё десять лет.

Так это и работает, потом я поняла. Не влюбляются в тех, кто смотрит. Влюбляются в тех, кто не смотрит. Мозг не выносит пустоты - и заполняет её. Всю пустоту, всю ночь, все полторы секунды - фантазией. А потом фантазия становится больше, чем человек. И когда человек приходит - ты встречаешься не с ним. Ты встречаешься со своей пустотой, которую так долго заполняла.

Дурацкая физика любви. Никто не предупреждает.

ГЛАВА 2

Виктория Морозова выросла в семье, где любовь измерялась порциями.

Мать любила её порциями: после пятёрки - порция, после капризов - порция урезалась. Отец был человеком-молчанием: он не бил, не кричал, он просто уходил в комнату и закрывал за собой дверь, и Вика всю жизнь училась читать эту дверь по швам. "Отец не в духе". "Отец занят". "Отец устал". Слова, за которыми прятался не усталый человек, а человек, который не умеет быть рядом, но это никто в семье не считал дефектом. Это считалось характером.

В четырнадцать лет девочке, которая растёт рядом с молчанием, очень нужен кто-то, кто заговорит. Или хотя бы посмотрит.

Андрей Волков из сорок седьмой квартиры не говорил и не смотрел. Но он был. Он существовал в этом подъезде, заходил к матери по вторникам и пятницам, и Вика выстраивала свою жизнь по этим дням. Она не приходила к почтовым ящикам специально - нет, она была слишком горда для этого, - она просто знала, что во вторник и пятницу, между восемнадцатью и девятнадцатью часами, парадная на Фрунзенской превращается в храм.

Она училась в девятом классе. Читала Достоевского. У неё были две подруги - Соня и Ленчик, - и одна тайна, которую она не рассказала никому: она влюблена в мужчину, который старше её на двадцать лет, который не знает её имени, который в последний раз взглянул на неё полторы секунды и то по ошибке.

- Он же старый, - сказала Соня, когда, накануне выпускного, Вика не выдержала и сказала.

- Ему тридцать четыре, - огрызнулась Вика.

- Всё равно старый. И вообще он известный бабник. Мой брат говорил, у него через день новые. У него, говорят, было штук сорок женщин. И никто ни разу не сказал про него ничего хорошего. Только одно: красивый.

Красивый. Двадцатью годами позже это слово ещё будет возвращаться к ней, как чек, по которому нечем платить.

Тогда, в четырнадцать, Вика сделала то, что делает любая девочка с тайной: она начала ждать встречи. Она знала: однажды он снова пройдёт мимо. И в следующий раз она сделает так, чтобы он не смог не посмотреть.

Она выучила по вторникам и пятницам время. Она нашла, что у него было две машины - сначала тёмно-синий BMW, потом чёрный "Кайен", - и что раз в полгода он уезжал куда-то надолго: Италия, Дубай, снова Италия. Она знала про него всё и не знала ничего. Это и называется - быть влюблённой в пустоту: ты знаешь силуэт, походку, запах куртки, звук закрывающейся двери. И не знаешь ни одного слова, которое он сказал.

Первое слово он произнёс в шестнадцать лет. Она несла сумки из магазина, каталась на каблуках и разлила кефир. Пол-литра кефира по новому пальто - это, между прочим, драма.

Осторожнее, девочка, - сказал он и подхватил её под локоть.

Полторы секунды. Развернулась - а он уже был у лифта. Больше за всю зиму он не сказал ей ни слова.

Она исписала три тетради. Дневник - тетрадь, синяя, в клетку, с обложкой от "Аэрофлота". В нём, между прочим, строчки, которые она потом найдёт и прочтёт в сорок лет и не поверит, что это писала она:

"Сегодня он был в белой рубашке. Я видела её воротник через два лестничных пролёта. Думаю: если бы я была белой рубашкой. Дурацкая мысль. Но так думают все девочки? Или только я?"

Так думали все девочки. Просто у некоторых это не заканчивалось.

ГЛАВА 3

Между четырнадцатью и двадцатью четырьмя - десять лет. Десять лет, в которых Вика успела закончить школу, университет, уехать в Москву работать в издательство и вернуться - нет, она не вернулась, она просто приезжала к матери в Тверь, в ту же квартиру с той же парадной.

В двадцать два года она влюбилась в другого. Настоящего, ровесника, программиста Сашу. Это было легко, смешно, дышалось свободно. Они ходили в кино и ели шаурму, и Вика вдруг поняла, что можно любить человека, с которым не приходится ждать. Это открытие - между прочим, открытие века - прожило с ней восемь месяцев. Потом Саша уехал в Питер на стажировку и позвонил из аэропорта, чтобы сказать, что встретил другую. Вика повесила трубку и впервые за восемь месяцев не заплакала.

Она думала: вот и всё. Теперь я знаю, что было настоящее.

Настоящее, как потом выяснилось, ещё не началось. Настоящее начнётся в понедельник, в восемнадцать сорок, в парадной на Фрунзенской, когда ей будет двадцать четыре, а ему сорок четыре.

Это случилось неожиданно. Она пришла к матери - маме становилось хуже, сердце, врачи, всё как у всех, - и в подъезде пахло по-старому: кошками и борщом. Рыжая кошка была уже старой, но всё так же смотрела с презрением. Вика поднялась к почтовым ящикам и открыла мамин - старый алюминиевый, с цифрой 12, - и в этот момент за спиной звякнул ключ.

Она не обернулась сразу. Сначала она узнала звук. Этот звук она знала десять лет - звук ключа, который открывает замок сорок седьмой квартиры. Даже если в тот момент его не было рядом, она бы узнала.

Она обернулась.

Он стоял и смотрел на неё. Впервые за десять лет - не мимо. На неё.

- Виктория, - сказал он.

Он знал её имя. Как? Откуда? У неё отшибло дыхание. Она открыла рот - и не нашла ни одного слова на все двадцать четыре прожитых года.

- Вы выросли, - сказал он. И улыбнулся.

Господи. Если бы вы знали, что делает с девочкой, которая любила тебя десять лет, одна улыбка. Одна. В одну секунду десять лет ожидания сворачиваются в точку, и точка эта называется: наконец-то.

- Вы помните, как меня зовут? - прошептала она.

- Помню всё, - сказал он. - Вы разбили кефир. Шестнадцать лет назад. Я до сих пор помню, как вы расстроились.

И он снова улыбнулся. И Вика поняла две вещи одновременно - и обе были правдой, и обе её погубят. Первая: он помнил её. Все эти годы - помнил. Вторая: он умел помнить ровно столько, сколько нужно, чтобы человек остался.

Это не диагноз. Это наблюдение, которое я делала потом, спустя годы, - когда уже научилась разбирать таких, как он, по косточкам. Есть люди, которые живут на психологических инстинктах. Они чувствуют, кому сейчас одиноко. Кому сейчас нужна опора. Кому сейчас так плохо, что он возьмёт любой крючок, на который его позовут. Эти люди не монстры. Они не убийцы. Они даже не жестокие - они просто используют чужую тоску как инструмент. Как отвертку. Взял - закрутил - отложил - взял снова, когда понадобилось.

В четыре сорок утра, через полгода, она будет лежать одна на остывшей половине кровати и думать: зачем он помнил моё имя все эти годы?

Ответ будет простым. Впрок. Он никогда не выбрасывает из архива - он складывает. На всякий случай. У него есть папка с сорока женщинами. В бумажной голове, в жестяном сердце.

Наверняка имена, адреса, "что можно позвать в три часа ночи", "кому можно позвонить в четыре утра", "кто не заплачет".

Вика была номером сорок один.

Но она об этом ещё не знала.

ГЛАВА 4

Первая ночь была в мае.

Он позвонил ей в среду - она не давала ему свой номер, она вообще не дала бы, она слишком хорошо знала себя, - но он, между прочим, номер нашёл. Через соседку тётю Лену, через её племянницу, которая работала в той же конторе, что и дочь Викиной маминой подруги. В маленьком городе все дороги ведут к каждой.

- Это Андрей, - сказал он. - Из сорок седьмой.

Я знаю, - сказала она и услышала, как голос дрожит.

Знаю, что знаешь, - сказал он. И рассмеялся.

В этом смехе было всё: и его возраст, и его уверенность, и его жестокая лёгкость, с которой он взял и понял, что эта девочка ждала его десять лет.

Он не звал её в ресторан. Он позвал в поле.

Есть под Волоколамском поле. Большое, голое, ровное, с брошенным домом на горизонте. Люди туда не ездят - кроме фотографов и дураков. Он сказал: в пятницу, в девять, я заеду за тобой. Надень что-нибудь, в чём холодно не будет.

Холодно не будет, - повторила Вика и не поняла, что он имеет в виду. Потом поняла. Всю жизнь потом понимала с запозданием на полгода.

Он заехал на чёрном "Кайене". Она вышла в синем платье - синее, не бежевое. Он посмотрел - секунду, две - и сказал: синее тебе идёт. Это был первый комплимент за десять лет. Она запомнила его на жизнь.

В поле было холодно. В мае. Он достал из багажника плед, из багажника же - термос, в термосе был глинтвейн. Он разлил. Они сели на плед. Над ними начинали зажигаться звёзды.

Я люблю это поле, - сказал он. - Сюда я приезжаю смотреть на звёзды. Никто не знает об этом поле. Никто здесь не бывает.

А я теперь знаю, - сказала Вика.

И ты первая, - сказал он.

Это была ложь. Она узнает об этом через два года, когда в багажнике его машины найдёт плед с остатками женского парфюма. Но в ту ночь она поверила. Конечно, поверила. Девочка, которая ждала десять лет, верит во всё.

Он говорил мало. Она - много. Он слушал так, как слушают очень немногие люди на свете: он смотрел, и в его глазах было отражение её слов. Она говорила о матери, о работе, о детстве, о том, что в Твери никто не понимает, зачем ехать в Москву работать за тридцать тысяч, - и он кивал, и она видела в его глазах себя, и она была в его глазах красивой.

Такие люди - а он был из таких - умеют слушать не потому, что им интересно. Они умеют слушать потому, что это эффективнее, чем говорить. Ты говоришь - и раскрываешься. Сам. Добровольно. И через три встречи сам рассказываешь ему всё: где болит, где слабо, где у тебя рана. Он складывает это в архив. И через год достанет - не чтобы утешить. Чтобы ранить. Аккуратно. Точно. По самому больному.

Но в мае, в поле, на пледе, под звёздами Вика этого ещё не знала. Она сидела и думала: вот он. Настоящий. Тот, кого я ждала всю жизнь.

Он взял её ладонь. Положил её на свою грудь. Под ладонью билось сердце - ровное, спокойное, ничуть не быстрое. Он не волновался. Ему было всё равно - и не всё равно одновременно: он хотел её. Физически. Прямо и ясно. Но в том, как он это хотел, не было ни тепла, ни жара, ни голода. Был расчёт. Голод - это когда ты дрожишь. Он не дрожал.

- Ты дрожишь, - сказал он и улыбнулся.

- Холодно, - сказала Вика.

- Нет, - сказал он. - Не холодно.

И положил её ладонь обратно. На сердце. Которое билось ровно. Которое не дрожало.

Она должна была понять тогда. В ту самую ночь. Всё было видно: сердце, которое не ускоряется. Рука, которая не ищет её тело, а располагает её тело - как располагают подушку: удобно, чтобы не мешала.

Но она была двадцать четыре. И она ждала десять лет. И она поверила в то, что если человек привёз тебя смотреть на звёзды и взял за руку - значит, это любовь. Иначе зачем?

Зачем? - спросит она его через три года. И он ответит, между прочим, честно:

- Затем, что ты позволяла. Всё остальное придумала ты.

ГЛАВА 5

Он не был с ней той ночью. Он просто держал её ладонь до двух часов. Потом посмотрел на часы - при свете фонаря, который он привёз с собой, - сказал: поздно, надо возить тебя домой, - и повёз.

В машине он молчал. Она тоже молчала. По радио играла фламенко - он любил фламенко, он единственный из всех его привычек, который она помнила ярче всего.

У подъезда он не вышел. Он сидел за рулём и смотрел на парадную.

- Спасибо за звёзды, - сказала Вика.

- Приходи ещё, - сказал он.

И уехал.

В прихожей она стояла в синем платье и не могла снять обувь. Ноги не слушались. Мама вышла из комнаты, посмотрела на дочь и спросила: "Виктория, что с тобой?" И Вика ответила:

- Мама. Со мной всё. Со мной впервые в жизни всё.

Слово "впервые" она произнесла с такой силой, что мама даже не спросила дальше. Мамы, между прочим, всегда всё понимают. Просто потом отказываются верить, что понимали.

Соня, та самая, из девятого класса, с которой Вика не разговаривала десять лет - они разошлись, как это бывает, - вдруг написала ей в тот же вечер. Случайно, она не могла знать. Просто: "Вик, привет. Давно не виделись. Как ты?" Вика не ответила. Зачем - она была занята. Она была занята жизнью, которая наконец началась.

Первую неделю она не спала. Она ждала звонка - как ждут выстрела. Телефон молчал. Она писала в дневник - ту же синюю тетрадь, уже третью по счёту, - и в пятницу, в двадцать три ноль-ноль, телефон зазвонил.

- Это Андрей.

- Я знаю, - сказала она.

- В среду будет Дубай. Улетаю в понедельник. До среды у нас есть вторник.

И повесил трубку.

Вторник. Полтора дня. Она перепахала гардероб, помыла голову четыре раза, купила новое бельё, которое не смогла показать - он не пригласил её к себе, он снова позвал в поле, - и во вторник в девять вечера стояла у дома и ждала "Кайен".

Он приехал в двадцать один сорок. На сорок минут позже. Он не извинился. Он просто открыл дверь и сказал:

- Садись.

И это было всё. И этого было достаточно.

Они не спали и во вторник. Он держал её за руку. Потом поцеловал - один раз, коротко, в лоб. Так целуют дочек. И повёз домой.

В ту ночь она плакала в подушку от счастья. Она не знала тогда, что поцелуй в лоб - это диагноз. Это он так говорил: "ты мне мила". Это он так говорил: "ты мне не нужна - но ты мила". Это он так отбирал: не возьму, но и не отпущу. Крючок.

В Дубае он улетел в среду. Перед вылетом прислал одно сообщение: "Поле пустое без тебя".

Она распечатала это сообщение. Хранила его шесть лет. Как икону. Как приговор.

ГЛАВА 6

Лето он исчез.

Просто исчез - без объяснений, без "до связи", без даже одного сообщения. Ноль. Он говорил: улетаю в Дубай на две недели, вернусь в среду. Среда прошла. Четвёртая. Пятница. Две недели. Три. Четыре.

Вика не звонила. Она была слишком горда - и слишком напугана. Она перечитывала их переписку: там не было ничего. Ни ссоры. Ни знака. Ни слова "пока". Просто среда кончилась, и он с ней кончился.

Через сорок дней он вернулся. Позвонил в четверг, в двадцать два ноль-ноль, и сказал:

- Привет. Ты как?

Он сказал это так, как будто между ними не было сорока дней. Так, как будто они виделись вчера. Он не извинился. Он не объяснил. Он не спросил, что она делала, ждала ли, думала ли, плакала ли.

- Где ты был? - спросила она. Голос дрожал - она ненавидела себя за эту дрожь.

- В Дубае. Были дела.

- Сорок дней.

- Дела, - сказал он. - Длинные дела.

И потом добавил - вот это запомни, это важно, - потом он сказал:

- Ты же не думала, что я принадлежу тебе?

Это был не вопрос. Это был урок. Первый урок в его школе.

Я не думала, - соврала Вика.

Умница, - сказал он.

И позвал в поле. И она поехала. Конечно, поехала. Она сидела в машине и думала: он вернулся. Значит, я ему нужна. Значит, эти сорок дней - случайность, командировка, что угодно.

Он не был нужен ей. Он был нужен его архив. Он вернулся, потому что в Дубае было скучно, а в телефоне оставался один незамкнутый круг - Вика. Он не возвращался к ней - он проверял, работает ли ещё крючок.

Работал. Работал, как швейцарские часы.

ГЛАВА 7

Он был не как другие мужчины. Она это понимала сразу и постоянно.

Он не рассказывал о себе. Он рассказывал о ней. За три месяца Вика узнала о нём три вещи: он из сорок седьмой, у него была мать, лежачая, он ходил к ней по вторникам и пятницам, и он любил поле под Волоколамском.

Всё. Остальное - туман. Где работает - непонятно. С кем живёт - непонятно. Почему не женат - непонятно. Кем были его женщины - Соня ещё в девятом классе говорила: сорок штук - непонятно.

Он умел отвечать так, что после разговора тебе казалось: ты всё знаешь. А наутро ты не могла вспомнить ни одного факта. Только - что он слушал. Только - что его глаза были на тебе. Только - что рядом с ним ты впервые не чувствовала себя одинокой.

Потом, через годы, в терапии, Вика узнает, как это называется. Контакт без содержания. Человек, который живёт только процессом привлечения и не живёт процессом близости. Он не хочет знать тебя - он хочет, чтобы ты хотела его знать.

Он спрашивал: ты любишь документальные фильмы? - Она отвечала: люблю. Он кивал и не говорил больше ни слова. Она искала в интернете, что он смотрит, - ничего. Он не рассказывал, какие смотрит. Зачем? Зачем отдавать контент, если можно не отдавать? Контент - это власть. Кто много рассказывает о себе, тот перестаёт быть загадкой, а загадка - это топливо. Пока она не понимает тебя - она тратит энергию на понимание. Пока тратит энергию - она здесь. Пока здесь - крючок работает.

Вика думала: он закрытый. Раненый. У него сложное детство. Я смогу. Я открою его.

Все женщины так думают. Все сорок из его архива, между прочим, тоже так думали. Так думала и Алина - но о ней позже. И так думала Кристина. И так думала Лена с третьего этажа, которая потом вышла замуж за военного и уехала в Псков, и до конца жизни на вопрос "кто был твоей первой большой любовью" отвечала: "Не говори никому. Мой психолог, если узнает, поседеет".

ГЛАВА 8

В сентябре он впервые остался у неё до утра.

Это была её квартира - маленькая, двенадцать метров на Фрунзенской, съёмная, с окном на стену соседнего дома. Он пришёл в восемь, принёс вино - французское, она не умела читать этикетку, - и они просидели до двух ночи. Она говорила. Он слушал. В два он снял с неё свитер - аккуратно, как снимают чехол с мебели, - и она поняла: сейчас будет ночь.

Ночь была. Он был осторожен, внимателен, он делал всё правильно - слишком правильно, как делают по инструкции. Она лежала и ждала, что после - он обнимет её и скажет что-нибудь. Что-нибудь. Любое слово. "Спи". "Ты чудо". "Не уходи".

Он встал через сорок секунд. Пошёл в душ. Вернулся, оделся. Сел у окна и сказал:

- Мне пора.

- Уже утро, - прошептала она. - Четыре.

Он посмотрел на часы. Кивнул.

- Тогда до вечера.

И ушёл. Без скрипа. Дверь закрылась так тихо, как закрываются двери в опере.

Она лежала и смотрела в потолок. И в голове крутилось: это нормально. У него дела. Он взрослый мужчина. У него работа. Он позвонит вечером. Он позвонит в обед. Он позвонит.

Он позвонил через три дня.

ГЛАВА 9

Звёзды.

Этой теме нужно отдать отдельную главу, потому что звёзды - это был его главный приём. Не единственный, но главный.

Он приезжал за ней в поле под Волоколамском - ночью. Всегда ночью. Днём это поле было просто полем: грязь, трава, заброшенный дом. Ночью оно превращалось в театр. Он раскладывал плед, включал маленький фонарь - неяркий, жёлтый, как свет свечи, - и они лежали и смотрели вверх.

- Смотри, - говорил он. - Вон та - Полярная. Она всегда на одном месте. Её никогда не видно с юга, только с севера. Она всегда на месте.

Он знал небо. Не как астроном - как человек, который много ночей проводил один под небом. Вика думала: вот человек, который одинок. Которому никто не нужен, кроме неба. Я стану для него такой же важной, как это небо.

Она не понимала, что звёзды - это тоже инструмент. Он привозил её туда не для того, чтобы она смотрела в небо. Он привозил её туда, чтобы она смотрела на него. В темноте, в тишине, вдали от всего мира - он был единственной вещью, которую она видела. Её глаза адаптировались к темноте - и в этой темноте он был ярким. Единственный светлый объект.

Это, между прочим, называется - контрастная иллюминация. Так работают в кино. Так работают и такие, как он.

- Зачем ты это делаешь? - спросила она однажды. - Зачем меня сюда возишь?

Он молчал долго. Потом сказал:

- Потому что ты первая, кому я это показываю.

Ложь. Он показывал это поле трём женщинам до неё - она узнает это через два года от Кристины, которая расскажет, что они лежали на том же пледе под теми же звёздами и он говорил ей те же слова: "Ты первая, кому я это показываю". Точь-в-точь. Слово в слово. У него была заготовка. У него была сценарная папка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.